

Овсянникова Е. В.

АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА В ДИСКУРСЕ ПРИНИМАЮЩЕЙ КУЛЬТУРЫ

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обозначить перевод в качестве главной диагностирующей процедуры дискурса.

Дискурс, как связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами [1], проявляет себя наиболее активно в условиях конкуренции с другими дискурсами [2].

Речевая практика любого народа – это конкуренция дискурсов. Существуют мажоритарные и миноритарные дискурсы, инвестиционно-привлекательные и непривлекательные дискурсы:

«In a society as complex and industrialized as that of the West, there are innumerable ‘discourses’... Everyone’s identity can be seen partly as a result of the selection and involvement to which s/he has been exposed or has chosen. However, not all of these discourses are esteemed as equally important. For instance, the world of public affairs, politics and current events seems to enjoy a higher prestige than the more private world of domestic life, personal relationships, sexuality and emotions. There seems to be a social process at work in which certain facets of our overall culture ‘count’ more than others» [3, p. 4].

С точки зрения лингвистики, в качестве коммуникативных систем все диалекты и социолекты, являющиеся носителями разных дискурсов, равны:

«The scientific study of language has convinced scholars that *all* languages, and correspondingly *all* dialects, are equally good as linguistic systems. All varieties of a language are structured, complex, rule-governed systems which are wholly adequate for the needs of their speakers. It follows that value judgements concerning the correctness and purity of linguistic varieties are *social* rather than linguistic. There is nothing at all inherent in nonstandard varieties which makes them inferior. Any apparent inferiority is due only to their association with speakers from under-privileged, low-status groups» [4, p. 8-9].

Неравенство коммуникативных систем проявляется именно в контексте экстралингвистической ситуации. Например, воровской жаргон получает отрицательную оценку не потому, что представляет собой плохую сигнальную систему, а потому что этой системой пользуются плохие люди.

Люди созданы таким образом, что они рассматривают речевые сигналы не просто как некую словесную последовательность (текст), но они составляют впечатление о собеседнике, интерпретируя некоторые сегменты текста как дискурс, который говорит о социальном положении, профессии, убеждениях и предпочтениях собеседника. В том, как это происходит, нет единого мнения. Разграничение таких понятий, как текст, стиль и дискурс остается в ближайшей перспективе актуальной задачей. Но, тем не менее, некоторые моменты обозначают уже более или менее системные контуры.

Так, получая информацию в виде текста, реципиент реагирует на стилистические сигналы, оценивая текст с позиций уместности / неуместности:

«However inchoate the norms may be, they collectively give us our bearings for responding to a style. They account for our general sense of the appropriacy and inappropriacy of language as reflected in impromptu observations about style, varying from Queen Victoria’s remark on Mr Gladstone that ‘he speaks to Me as if I were a public meeting’, to more everyday comments like ‘No one would ever speak like that’, and to attributions like colloquial, journalistic, biblical, childlike, pedantic» [5, p. 53].

Эти же стилистические сигналы интерпретируются и в более общем контексте, как информация о мировоззрении говорящего. При этом важно подчеркнуть, что дискурс – явление более общего порядка, чем стиль.

Так, например, новогоднее поздравление относится, с одной стороны, к области стиля и требует соблюдения некоторых жанровых норм. Однако, то же самое новогоднее поздравление может нести информацию об идеологии адресанта, и в этом случае оно относится к сфере дискурса. Например, новогоднее поздравление президента Украины Ющенко вызвало шквал возмущения в Интернете именно этим идеологическим довеском (были упомянуты так называемые «герои Крута», которых вместе с Мазепой, Петлюрой, УПА и дивизией СС «Галичина» очень не любят на юго-востоке Украины).

Дискурс изучается в рамках разных лингвистических дисциплин, но перевод все больше осознается как ведущий механизм идентификации дискурса. Именно с этих позиций дискурс рассматривается в переводоведении новейшего поколения: «...discourse analysis looks at the way language communicates meaning and social and power relations» [6, p. 89].

По мнению Ветути, подозрительное отношение властей к переводу объясняется тем, что перевод срывает маски и обнажает тщательно скрываемые вещи: «Translation is stigmatized as a form of writing, discouraged by copyright law, depreciated by the academy, exploited by publishers and corporations, governments and religious organizations. Translation is treated so disadvantageously, I want to suggest, partly because **it occasions revelations that question the authority of dominant cultural values and institutions** (выделено мною – Е. О.). And like every challenge to established reputations, it provokes their efforts at damage control, their various policing functions, all designed to shore up the questioned values and institutions by mystifying their uses of translation» [7, p. 1].

Сопоставительный анализ текстов дает богатый материал для теории дискурса. Особый интерес при этом вызывает перевод авторитетных текстов, которые требуют максимально бережного отношения к оригиналу [8].

Пример взят из романа Стефана Гейма «The Crusaders», посвященного событиям второй мировой войны на западном фронте: операция «Оверлорд», наступление союзников на Париж, Арденнское сражение и т. д. На английском языке роман был издан в 1948 году. Немецкий вариант «Die Kreuzfahrer von heute» был подготовлен

автором, для которого немецкий язык – родной. Русский перевод был создан Н. Волжиной, Н. Дарузес и Е. Калашниковой и опубликован в один год с немецким: в 1950 году.

В 5-й главе «Крестоносцев» описывается офицерский банкет, на котором исполняется песня: «For she's a jolly good fellow». В соответствии с книгой мировых рекордов Гиннеса, эта песня по своей популярности является второй в англоязычной аудитории после песни «Happy Birthday to You» (третьей идет знаменитая «Auld Lang Syne»). Интернет размещает целый ряд признанных соответствий рассматриваемой песни, которая исполняется на разных языках на одну и ту же мелодию (мелодия позаимствована у веселой французской песни времен крестовых походов *Marlbrough s'en va-t-en guerre*):.

1. Французский вариант № 1:

*Car c'est un bon camarade,
car c'est un bon camarade,
Car c'est un bon camarade (pause),
et qu'on est tous d'accord.*

Французский вариант № 2

*Car c'est un bon camarade,
car c'est un bon camarade
Car c'est un bon camarade (pause),
personn' n' dira le contraire*

2. Испанский вариант № 1:

*Porque es un muchacho excelente,
porque es un muchacho excelente,
Porque es un muchacho excelente, (pause),
y siempre lo será.*

Испанский вариант № 2:

*Porque es un buen compañero,
porque es un buen compañero,
Porque es un buen compañero, (pause),
y nadie lo puede negar.*

Испанский вариант № 3:

*Porque es un chico excelente,
porque es un chico excelente,
Porque es un chico excelente, (pause),
y siempre lo será.*

3. Бразильский вариант:

*Ele é um bom companheiro,
ele é um bom companheiro,
Ele é um bom companheiro (pause),
ninguém pode negar.*

4. Итальянский вариант:

*Perché è un bravo ragazzo,
perché è un bravo ragazzo,
Perché è un bravo ragazzo (pause),
nessuno lo può negar.*

5. Финский вариант:

*Ja hän on loistava veikko,
ja hän on loistava veikko,
Ja hän on loistava veikko (pause),
koska kaikki tykkää hänestä<br*

В этой песне нет следов армейского дискурса, за исключением музыкального родства с французской песней *Marlbrough s'en va-t-en guerre*. Она исполняется в торжественный день и посвящается герою (героине этого дня) – в соответствии с полом выбирается местоимение *he* или *she*. Немецкое соответствие, очевидно, отсутствует. Именно так следует понимать решение С. Гейма включить в немецкий текст слова оригинала (прием заимствования). В русском тексте тоже можно было бы использовать этот прием, но появляется совсем неожиданная версия:

Dondolo heard the singing (1) of the officers: «For she's a jolly good fellow» (2) (87)

Dondolo hörte das Singen (1) der Offiziere: «For she's a jolly good fellow» (2) (91)

Офицеры горланили (1): «Люблю мою красотку за то, что хлещит водку!» (2) (87).

Стилистическое смещение в первой и второй транслете придает песне грубовато-солдафонский оттенок: актуализируется армейский дискурс. Трудно представить, чтобы переводчики не знали настоящего статуса известной песни. Такая вольная интерпретация в русском варианте возможна только с позиций доминирующего советского дискурса, в рамках которого было принято иронизировать над «союзничками» и, напротив, возбранялось выражать уважение и, тем более, восхищение. Ближе к жанру оригинала был бы перевод на слова известной русской застольной. Этот перевод с учетом того, что главной героиней дня является журналистка Карен Уоллес (внимание всех участников банкета приковано к женщине), мог бы выглядеть так:

«Карен, Карен, Карен, Карен, Карен, Карен,
Карен, Карен, Карен, Карен, Карен, пей до дна!»

Представьте себе, что русский фильм, в котором наши солдаты исполняют «Землянку» или «В лесу прифронтовом» при переводе заменили бы пошлой песней какого-нибудь скандального Тупака или Эминема. Такой перевод был бы воспринят как издевательство. Неужели опытная команда переводчиков не знала, что, подменяя дискурсы, занимается грубой фальсификацией? Исключается. Действовал закон «скопоса»: надо понравиться заказчику – иначе в ГУЛАГ угодить можно.

Выводы

1. Процедура перевода – самый эффективный механизм выявления динамики и борьбы дискурсов. Гипотеза Венути о том, что перевод срывает маски с заказчиков перевода, находит убедительное подтверждение. Перевод в значительной мере определяется доминирующим дискурсом принимающей культуры.

2. Внешнее выражение это находит в пересмыслении стилистической организации оригинала и тех переводческих решениях, которые не укладываются в теорию эквивалентности. Адаптация авторитетного текста под влиянием доминирующего дискурса является неприемлемой, но широко распространенной практикой.

3. Борьба за суверенный статус перевода на лингвистическом уровне принимает вид борьбы за сохранение в переводе миноритарных дискурсов и последовательное применение стратегии Шлейермахера (стратегии остранения). В более общем плане это – борьба за демократию и свободу.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. Bassnett, Susan and Lefevere, Andre. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters LTD, 1996. – 143 p.
3. Hartley, John. Understanding News. – London and New York: Routledge, 1995. – 203 p.
4. Trudgill, Peter. Sociolinguistics: an introduction to language and society. – Penguin Books, 2000. – 222 p.
5. Leech, Geoffrey N., Short Michael H. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. – London and New York: Longman, 1981. – 402 p.
6. Munday, Jeremy. Introducing Translation Studies: Theories and Applications. – Routledge: London and New York, 2004. – 222 p.
7. Venuti, Lawrence. The Scandals of Translation: Towards an ethics of Difference. – London and New York: Routledge, 1998. – 210 p.
8. Newmark, Peter. A Textbook of Translation. – Longman, 2003. – 292 p.

Оконешникова А. В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗЕ

Как справедливо отмечает Светлана Максимова в журнале «Детский сад от А до Я», в последние годы во всем мире значительно снизился интерес к книге. «Кризис чтения» начался в 1980-е годы в странах Западной Европы и США, а в 1990-е добрался до России и уже повлек за собой функциональную неграмотность, или утрату навыков чтения значительной частью населения. По данным социологических исследований 2000 года, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения, только 1/3 населения страны в свободное время занята чтением, а количество людей, не читающих книг, увеличилось с 23% в 1994 году до 34% в 2000-м. В России, некогда самой читающей в мире, чтение перестает быть безусловной национальной ценностью. Современный человек активно осваивает аудиовизуальную культуру, книга для него постепенно превращается в ненужную роскошь, анахронизм. Все это таит в себе серьезную опасность для духовного, нравственного, интеллектуального потенциала страны, будущего отечественной науки, культуры и России в целом. Чтение – не развлечение, а процесс воспитания собственной души, требующий от человека большой работы ума и сердца, переживания, осмысления, поиска ответов на поставленные автором вопросы. Чтение развивает интеллект, формирует духовно зрелую, образованную и социально ценную личность. Читающий человек – мыслящий человек.

В таких условиях преподавание литературы становится достаточно трудной задачей.

Студенты так же, как и все население страны, стали меньше читать. В деревнях одной из причин является отсутствие литературы, которую перестали завозить коммерсанты... Как в таких условиях добиться знания литературных произведений и работ по теории литературы?

Поскольку предполагается знание детской литературы в объеме учебного плана средних специальных учебных заведений, студенты изучают ее на 4-м курсе и сдают экзамен. До сессии студенты выполняют контрольные работы, в которых они демонстрируют знания по теории литературы и свои творческие возможности (пишут сказки, сочиняют стихи, делают обзор журнальных статей, анализируют стихотворные и прозаические произведения). Поэтому в сессионное время в основном проводятся обзорные лекции, практические занятия, на которых студенты выразительно читают стихи, отрывки из прозы, выступают с анализом прочитанных произведений.

При изучении творчества писателей и поэтов используются труды по методике преподавания литературы как советского периода [1], так и современных авторов [2]. Из них рекомендуем план [1, с. 200], схемы основных элементов басни [1, Литературное чтение, с. 112]; примеры обзорных занятий, напр., «Природа в творчестве русских писателей [1, Литературное чтение, с. 116-119], образцы характеристики осени на примере лирических стихотворений: ясный день – пасмурный день [1, Рыбникова М. А., с. 84] и др.

После анализа стихотворений А. С. Пушкина «Осень» и Ф. И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» появляется запись:

Ясный день

Небо лазурное, чистое голубое. «И льется чистая и теплая лазурь на отдыхающее поле» (Т.). *Воздух* чистый, прозрачный, ясный. «Весь день стоит как бы хрустальный, и лучезарны вечера» (Т.). *Деревья* желтые, золотые, багровые, коричневые. «В багрец и золото одетые леса» (Т.). *Пора* дивная, чудесная, «очей очарованье».